

Антропоидентичность: от обретения – к потере

Евгений Ф. Казаков^{a, @, ID}; Дарья А. Кутовая^a

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ kemcitykazakov@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Поступила в редакцию 28.02.2020. Принята к печати 19.03.2020.

Аннотация: В статье вся человеческая история (и в филогенезе, и в онтогенезе) представлена как стремление к обретению Я (своей родовой и индивидуальной сущности), к олицетворению. Нахождение *моего Я* есть свидетельство *моего* существования. Условием для обретения себя является обретение *мною* свободы. Развертывание рефлексии процесса самоидентификации начинается с глубокой древности и проходит через всю человеческую историю. С обретением лица одновременно происходит и потеря лица. Проблема самоидентификации особенно актуальна для нашего времени. Есть все основания говорить о нарастании кризиса идентичности у современного человека. В силу развития процесса глобализации исчезает ряд маркеров, посредством которых ранее и идентифицировался человек. Современный человек часто уже не идентифицирует себя с местом своего рождения. Он погружается в глобальный обезличенный информационный поток, не идентифицирует себя с определенным историческим прошлым, теряет чувство принадлежности к семье и роду. Потеря культурно-национальной идентичности – одно из выражений нарастания социального инфантилизма, доминанты свободы над ответственностью: *хочу* – над *должен*, настоящего – над прошлым и будущим, *моего* – над всем остальным.

Ключевые слова: душа, сознание, самосознание, самоидентификация, Я, кризис идентичности, история

Для цитирования: Казаков Е. Ф., Кутовая Д. А. Антропоидентичность: от обретения – к потере // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 1. С. 53–60. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-1-53-60>

Введение

Возросший интерес к своему генеалогическому древу, ДНК-истории, семейным архивам и мемуарам, набирающий в Сети популярность проект Я-история, ориентированный на создание базы живых воспоминаний участников (и об участниках) событий, говорят о назревшей потребности перехода от *истории-Они* к *истории-Я-Мы* как единству множественности неповторимых человеческих судеб.

Вся человеческая история (и в филогенезе, и в онтогенезе) – это стремление к обретению Я (своей родовой и индивидуальной сущности). Данная цель достигается на стадии зрелости, когда именно и оформляется сущность человека (рода), находя выражение в своем существовании. *Не-Я-предсущность* (выражающаяся в *не-Я-существовании*) движется к *Я-сущности* (выражающейся в *Я-существовании*). Засвидетельствовать существование можно лишь для того, что обрело свое Я. Только обретение Я позволяет идентифицировать единичность в ее определенности, оформленности, бытийности. Обретение Я происходит через отличие от *не-Я* и от *других-Я*, нередко развертывающееся через отделение (вплоть до бунта) от них.

Нахождение *моего Я* есть свидетельство моего существования. Если я нашел и выразил свое Я, значит *Я есть*. Обретение своего Я – это не только «выныривание» из безликой массы *не-Я*, но и «выкарабкивание из липких лап» небытия, ничто, смерти. Я есть только тогда, когда есть *мое Я* (в его актуализированности, опредмеченности), *Я – живой*.

Стремление к обретению своего Я (на уровне человека) есть стремление к саморождению, самооживотворению (выражающее общую линию эволюции материи от мертвого к живому). Только ищущая (через обретения и потери) свое Я сущность просыпается, актуализируется, оживает; оживотворяется и обретает способность оживотворять.

Методы и материалы

Путем для достижения этой цели является развертывание процесса самоидентификации, самоосознания. Здесь существуют два встречных процесса: как сущность движется к себе (от *не-сущности*, от *не-Я-сущности* – к *Я-сущности*), так и существование движется к сущности (от *не-Я-существования* – к *Я-существованию*, выражающему *Я-сущность*). Познание ступеней идентификации осуществляется через изучение процесса рефлексии.

Родовая и индивидуальная история стремятся к *обретению своего лица*, олицетворению (преодолению обезличенности). Именно в лице в сфокусированном виде выражается жизнь души (зеркалом души являются не только глаза, но и все лицо). В душе и заключена сущность человека (организмически, генетически человек отличим от других живых существ не столь принципиально). Это понял еще Сократ, утверждая, что «человек есть душа» [1, с. 128], а вовсе не единство тела и души, как, вроде, следовало бы полагать.

Стремление к самоосознанию можно назвать универсальным целеполаганием эволюции мироздания, свойственным

и человеку, и природе (Вселенной), и Богу. Самопознание, ведущее к самоознанию, по Г. В. Ф. Гегелю – главная интенция развития Мирового духа. «Мировой дух смотрит в сознание человека, как в зеркало, чтобы увидеть в нем самого себя» [2, с. 237]. Через человеческое познание Мировой дух обретает самосознание, превращаясь в Божественную Личность. Именно философия Германии XIX в. (по мысли Г. В. Ф. Гегеля) и явилась тем зеркалом, в котором Мировой дух увидел себя (история на этом заканчивается, цель всееленского развития достигнута).

Говоря нерелигиозным языком, материя-вселенная стремится к познанию себя с помощью человека. Для этого нужен взгляд на себя со стороны. Так как человек – это «капля» (микрокосм, по Демокриту), в которой отражается «океан Вселенной» (макрокосм), то можно, познавая человека, постигать этот «океан». А можно, познавая «океан», постигать самого человека. Можно сказать, что весь мир (я сам, другие люди, природа, Вселенная, Бог) – это совокупность зеркал, направленных друг на друга, в конце концов направленных на *меня*. Бог (Мировой дух, Мировой Разум, Вселенная), природа и человек познают себя одновременно, глядя друг в друга, как в свое зеркало, и в один миг произносятся: «Я есть».

Чтобы человек стал зеркалом для Вселенной (природы, Бога), нужно мотивировать его на познание. Такой мотивацией является стремление человека к самоосуществлению (необходимому для его самовыживания, самоактуализации), невозможному без самопознания, самосознания и саморазвития. Чтобы увидеть *себя-мир*, надо прозреть (не только физическим, но и метафизическим зрением), для чего необходимо достичь стадии метафизической зрелости, когда прозревается и актуализируется сущностное. Надо обрести не просто зрение, а *свое* зрение. А для этого нужно актуализировать индивидуальность, обрести свое лицо.

Эволюция мироздания простирается от безликой атомной пыли к уникальности человеческого лица. В этой эволюции человек проходит ряд ступеней (например, *личина – лицо – лик*) [3, с. 196]. Именно *лицо* человека (в котором выражается весь спектр состояний его души, от *все до ничто*) можно назвать пиком эволюции Вселенной, где она достигает своего расцвета, своей неповторимости, почти бесконечной многогранности (*многолицисти*), симфонического звучания. Прозрение, олицетворение человека есть прозрение, олицетворение Вселенной.

Однако с обретением лица одновременно происходит и потеря лица, потому что обретение Я невозможно без обретения и *не-Я*. Самоопределение осуществляется через самоотличение, самоотличение – через отделение своего от чужого. Логику этого процесса воспроизводит, например, И. Г. Фихте: тезис – *Я есмь*, т. е. *Я есмь Я*; антитезис – *Я не есть не-Я*; синтез – *Я и не-Я* ограничивают и сочетают друг друга; *не-Я* есть порождение Я, его проекция; есть только Я и процесс познания Я самого себя [4, с. 264–265].

Я есть – первый очевидный факт самоосознания, с которого начинается познание. Я, тем самым, полагает свое собственное бытие. Если бы *меня* (и *моего* самоосознания)

не было, *мое* познание было бы невозможно. Существование Я есть существование познания. *Мое* познание есть проявление активности моего Я. Что значит *Я есмь*? Это значит: *Я есмь Я*, т. е. *мое Я* тождественно с самим собой. Я могу сомневаться в реальности чего угодно, только в реальности Я сомневаться нельзя, ибо оно и есть основа реальности. Но полагание *моего Я* возможно лишь тогда, когда ему противостоит *не-Я* (сказать, что есть Я, возможно, лишь отличив себя от другого). *Я не есть не-Я*. Различение Я и *не-Я* происходит внутри Я.

В филогенезе человек проходит такие пути идентификации: соотнесение себя с природными явлениями (Вселенной, окружающей природой, земными стихиями), с духами природы, со зверем, птицей, рыбой, с живым и мертвым, с другим человеком, с Богом, с самим собой (прошлым, будущим, идеальным, фантастическим, отчужденным), с машиной (роботом, андроидом, киборгом), с виртуальностью [5, с. 216–217].

Условием для обретения *себя* является обретение человеком свободы. Не случайно свобода становится важнейшим приоритетом человеческой истории. В стремлении к ней человек проходит ряд этапов: освобождение от природной зависимости, от тоталитарного государства, достижение экономической свободы, освобождение от прошлого, от Бога [6, с. 97–98]. Движение к свободе предстает условием очищения сущности человека до состояния «ядра», условием ее оформления в своей самости.

Развертывание рефлексии процесса самоидентификации начинается с глубокой древности. Одним из первых таких примеров была выбитая на фронтоне храма Оракула в Дельфах надпись *nosce te ipsum* (познай себя), которая по-разному трактовалась различными древнегреческими мыслителями. Так, в интерпретации Хилона она звучала: «Познай себя, и ты познаешь Вселенную и богов». Дети не могут не быть похожи на своих родителей. Если человек сотворен Вселенной и богами, он не может не быть подобен им. Поэтому, изучая человека, можно постигать не только самого человека, но и его «родителей»: Вселенную и богов. В интерпретации Сократа фраза Оракула звучала: «Познай себя, чтобы стать счастливым». Под познанием себя Сократ понимал спокойствие и умиротворенность души, что необратимо ведет к человеческому счастью [1, с. 97–98].

На тему постоянства и изменчивости человеческого Я размышлял Плутарх, анализируя метаморфозу с кораблем Тесея как выражение парадокса постоянства идентичности [7, с. 311–312]. Если что-то постоянно остается самим собой, то оно не движется, а если что-то движется, то оно не может не меняться. Таким образом, можно точно сказать, что Я нестабильно и многообразно.

Р. Декарт утверждал, что Я – самое несомненное и достоверное, стабильное и ясно отчетливое в сознании [8, с. 211]. Д. Юм усомнился в такой постановке вопроса о существовании Я. Оспаривая тезис Р. Декарта, он утверждал, что Я – «суть не что иное, как связка или пучок различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном движении» [9, с. 161–162].

На протяжении жизни каждый человек меняется достаточно сильно. При этом он рассматривает себя как неразрывное целое во временном отрезке. Стандартное предположение состоит в том, что человеческая индивидуальность прикреплена к телу. Это теория, согласно которой главная часть того, что делает человека *собой*, размещена в его собственном теле. Но если бы Я, мои мысли и чувства очутились в другом теле, чувствовал бы человек себя собой? Скорее всего, да, он чувствовал бы себя собой в чужом теле.

Эта идея принадлежит Дж. Локку, задававшемуся вопросом: «Каким образом, просыпаясь утром, я понимаю, что являюсь тождественным себе человеком, каким лег вчера ночью спать? Что дает мне ощущение собственной идентичности во времени?» [10, с. 111]. Его ответ был относительно прост: «Моя идентичность во времени обеспечивается тем фактом, что я сознаю себя идентичным во времени. Самосознание – это и есть "Я". Тождество личности состоит в непрерывности сознания» [10, с. 112].

В религиозно-философской традиции человеческое Я соотносится с душой. Она понимается в качестве бессмертной субстанции, в которой выражена божественная природа человека, его сущность, личность [11, с. 74–75]. Апофатическая природа божественного делает апофатическую (в существенной степени) и природу самого человека, что усложняет ее постижение.

«Человеческое "Я", – пишет У. Джеймс, – есть сумма всего того, что человек называет своим – не только его тело и духовные силы, но также его одежда и его дом, его жена и дети, его предки и друзья, его репутация и работа, его земля и его лошади, его яхта и счет в банке» [12, с. 98]. С этим спорит Садхгуру: «Все то, что мы накапливаем за всю жизнь: деньги, репутация, богатство, ошибки – все это мое, но это не "Я". Вы – то, что думаете о себе: набор мыслей, эмоций, идей, предрассудков» [13, с. 121–122]. Данную идею развивает и Р. Махарши: «Ваш долг – быть собой, а не быть этим или тем... Есть два "Я": внешнее и высшее. Поиски себя начинают внешнее "Я", и при благоприятном исходе оно находит свое высшее "Я", чья природа есть бытие-сознание-блаженство» [14, с. 85]. Человек призван рассмотреть в себе источник собственной реальности, пройти путь собственного самосознания. Принять то, что Я существую, и это главное. В данном контексте ответ на вопрос не важен, важен процесс получения ответа [15, с. 155–156].

Интенция человека к поиску собственной идентичности прошла непростой и долгий исторический путь. «Начиная с классической Греции... развивалось человеческое самосознание; человек стал все в большей мере искать смысл своего существования в глубине своей личности. В Древности значительно большее, чем сейчас, место в "чувстве личности" занимал род, племя, город. В Средние века совсем иное, чем сегодня, место занимала внешне воспринимаемая религия. В Новое время человек лишился "внешней подпитки" духовными импульсами и его чувство Я выдвинулось в своей чистоте... человеческое Я теперь обрело возможность стать таким» [16, с. 123].

Актуализировалась возможность самоосознания, а значит и самоосуществления.

Поиск личной идентичности (в его сопряжении с поиском культурно-исторической идентичности) – одна из главных тем русской религиозной философии [17, с. 3–4]. Вся история в концепции Н. А. Бердяева предстает как история становления свободной творческой личности. Содержанием истории становится история творческого «ответного откровения» человека Богу. По мнению Н. А. Бердяева, «существует особое духовное бытие истории, и чтобы его понять, необходимо постигнуть это историческое, как... до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу. Я должен поставить себя в историческую судьбу и историческую судьбу в свою собственную человеческую глубину» [18, с. 15].

И. А. Ильин утверждает, что человек открывает себя в Боге и Бога в себе в духовном творчестве. Оно понимается как непрерывное духовное становление человека, в котором тот способен выйти за пределы себя. Вся его деятельность, совершаемая «по совести», приобретает в таком контексте глубочайший смысл, она становится постоянным обнаружением в себе высшего начала, постоянным стремлением к своему идеальному состоянию [19, с. 95–96].

Проблема самоидентификации особенно актуальна для XXI в., не случайно названного веком конформизма. Примером проявления конформизма может служить эксперимент Аша, где ответы испытуемых напрямую зависели от ответов остальной части группы [20, р. 46–49]. В погоне за комфортным состоянием среди чужих одобрительных правил и установок современный человек теряет свое самосознание – то, что принципиально и отличает его от животного.

Самосознание не дается от рождения. С. Л. Рубинштейн заметил, что ребенок в течение первых лет жизни говорит о самом себе в третьем лице, называя себя по имени. То есть понятие о некоей *Я-личности* возникает далеко не сразу [21, с. 137]. Популярен метод самоидентификации с помощью языка. Так, по Р. Рорти, Я – это то, что я рассказываю себе о себе [22, с. 96]. Данную проблему развивает и Д. Батлер, утверждая, что «Я – это то, чем я себя сейчас назвала» [23, с. 178].

Однако нередко человек стремится не к самораскрытию своей личности, а к ее сокрытию, прячась за маску (личину). Одной из версий происхождения слова *маска* является латинское слово *mascus* (призрак). Маска не только скрывала лицо человека, но и имела свою душу, личность, становясь второй сущностью человека. В первобытных обществах маска являлась необходимым элементом при проведении мистических обрядов. Чаще они изображали духов определенного племени. Человек, надевающий маску, менял свою сущность на сущность того, кого она изображала.

В период античности маска в первую очередь использовалась в театре. Она не только могла скрыть личность актера в глазах зрителя, но и помогала самому актеру вживаться в роль другого человека. В эпоху Возрождения пропадает необходимость в маске. Все внимание приковывается к личности человека, а не его внешнему облику. Особенно хорошо это видно в живописи Возрождения. Однако постепенно

акцент начинает переноситься с лица на тело или окружающее пространство. Разработанная Леонардо да Винчи техника Сфумато позволяла сделать черты лица менее ярко выраженными, сливающимися с окружающей действительностью. В эпоху Просвещения главной ценностью становится знание. Знание по сути своей общедоступно, поэтому возникает идея равенства между людьми.

Смена ценностей происходит в индустриальную эпоху. Человек перестал быть сосредоточением внимания, акцент все больше переносится на машину. Человек становится механизмом, лишь способствующим промышленному развитию. Человек не всегда осознанно примеряет на себя роль машины, лишенной личностной индивидуальности. Сознание личности в социальной группе заменяется массовым мышлением (находящимся в причинно-следственной связи с массовым производством). Запросы масс снижаются, массовая культура обладает невысокой эстетической ценностью, главным ее приоритетом становится прибыль.

По-новому актуализируется тема «маски», не случайно культуру XX в. называют карнавальной. Современный человек – «человек играющий» (Э. Берн), для которого игра выступает не просто развлечением, а сущностью. Это проявляется, например, в тотальном увлечении компьютерными ролевыми играми. Новой виртуальной маской являются выбираемые человеком ники и аватарки, за которыми можно спрятать свое Я. Об этом же говорит и популярность исторических реконструкций, позволяющих погрузиться в любую историческую эпоху (меняя при этом свое имя, личность, взгляды, судьбу). И, конечно, не случайна такая популярность фэнтези в литературе, кино, живописи. Все это – не просто «уход от реальности», а уход от своего Я. Я – чужое, историческое, фантастическое – оказывается интереснее, содержательнее, привлекательнее *моего Я*.

Деперсонализация человека, нивелировка его личности широко исследуется в художественной литературе (Бунин И. А. Человек из Сан-Франциско; Уайльд О. Портрет Дориана Грея). Попытка стать невидимым, чтобы снять условную ответственность за свое существование, отражена в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка». Невидимка, потеряв собственный облик, быстро столкнулся с проблемами человека, которого никто не замечает. Для окружающих потеря Невидимкой лица означала его смерть как человека: *... это не человек, а зверь* (Уэллс Г. Человек-невидимка). Г. О. Марсель в связи с этим называет современного потерянного человека «нульмерным» [24, с. 112].

В рассказе А. П. Чехова «Ионыч» отражена потеря не только внешнего, но и внутреннего лица человека. Разочаровавшись в любви, юный доктор Д. Старцев со временем теряет свое первоначальное имя, становится просто Ионычем. Некогда любимое занятие – врачебная практика – становится для него пустой тратой времени, единственной мотивацией остается меркантильность.

В романе «Человек, потерявший лицо» А. Беляев повествует о комике, которого не воспринимали всерьез из-за внешних изъянов. Добившийся успеха на своем поприще комик решает на операцию по их удалению. Но проблемы, которые, как ему

казалось, были из-за его дурной внешности, остались, и более того, его перестали узнавать не только зрители, но и самые близкие друзья, он утратил свою популярность. Огромных трудов ему стоило начать жизнь с чистого листа.

Стремление к обретению лица было отражено в романе М. Булгакова «Собачье сердце». Путем хирургического вмешательства профессор Преображенский дает псу Шарик не только человеческий вид, но и умение разговаривать. Но Шарик так и не смог прижиться в обществе, сохраняя в себе животные повадки, в облике человека выливающегося в «непотребство». Профессор приходит к выводу, что можно поменять облик, но не сущность.

Кризис идентичности как перманентность

Можно сказать, что кризис идентичности (на уровне онтогенеза и филогенеза) – это перманентное состояние человека. В филогенезе данный кризис находит выражение, например, в существовании множества определений человека, единственного и окончательного определения дать не удается. Каждое определение человека можно опровергнуть (дополнить) другим (нередко прямо противоположным). Человек – *homo sapiens* (человек мудрый). Мудрец – знающий все, но человек (в отличие от богов) никогда не знает всего (поэтому Пифагор и предложил вместо слова *мудрый* слово *философ* – стремящийся к мудрости, любящий мудрость). Не совсем подходит к человеку и определение *homo rationabile* (человек разумный, т. е. познающий), по И. Канту, бесконечное, безусловное, абсолютное. От стремления к этим целеполаганиям человек чаще очень далеко. Наиболее адекватное для человека определение *homo rationalis* (человек рассудочный, т. е. познающий), по И. Канту, условное, относительное [25, с. 173]. Но человек часто слишком безрассуден: им движет не расчет, а эмоции, аффекты; нередко безответственен (экологический кризис, ядерное оружие, которым можно уничтожить планету). Кроме того, к мыслящим в той или иной степени существам можно отнести, наряду с человеком, дельфина, обезьяну, может быть, пчел и муравьев и даже растения [26].

Существует еще одно, достаточно традиционное определение человека как социального существа (общественного животного, по Аристотелю). Социальность – лишь поверхность, «позолота», не укоренившаяся в глубинах человеческого существа (Ф. Ницше: «Культура – яблочная кожура над раскаленным хаосом»). За многотысячелетнюю историю культура не укоренилась в человеческой сущности (иначе, откуда бы взялся, например, фашизм). Инстинкты (например, доминирование сильного над слабым) часто перевешивают мораль, удовольствие ставится выше чувства долга (наше время – век гедонизма), стремление к славе и богатству берет верх над стремлением к справедливости. Собственно человеческие качества еще толком не укоренились в человеке и уже начали теряться (предчеловек превращается в постчеловека). Очеловечивание, не завершившись, сменилось расчеловечиванием (что иллюстрируют вошедшие в оборот понятия *актер*, *деантропологизация*, *человек без сущности*) [26, р. 750].

Человек определяется и как существо духовное (сократовское «человек есть душа»). Но с точки зрения научно-позитивистского подхода души не существует, т. к. физически зафиксировать ее невозможно. Отличие человека от животного – не качественное, а количественное (все то же самое, просто мозг больше и лучше работает).

Подобное можно сказать и о других определениях человека. Человек – существо моральное (В. С. Соловьев: «Стыжусь, следовательно, существую»), но слишком часто человек поступает аморально, ориентируясь больше на пользу, прибыль, успех. Человек – существо творческое (Н. А. Бердяев), но потребительское отношение к природе, другому человеку, жизни вообще играет слишком весомую роль. Человек – существо религиозное (около 70 % населения планеты относят себя к верующим) [27, с. 12]. Но нередко вера имеет поверхностный характер, представляя, скорее, данью традиции. Человек – существо символическое (Э. Кассирер), он взаимодействует с миром не непосредственно (как животные), а опосредованно, через материального (орудия труда) и нематериального (миф, символ, знак) посредника. Но в пострелигиозную эпоху отношения с миром опосредуются чаще лишь материальными предметами. Человек – антиэнтропийная система, создающая вокруг себя упорядоченную (а значит, безопасную, предсказуемую) среду. Одновременно человек привносит в мир хаос (войны, конфликты, забвение традиций, моральных норм).

Итак, человек – морально-аморальное, творческо-потребительское, религиозно-светское, символически-несимволическое, антиэнтропийно-энтропийное существо. Человек не идентифицируется с достаточной степенью определенности, потому что он – тотально-перманентная незавершенность. С христианской точки зрения, человек – единственное творение, которое создано незавершенным и наделено способностью (и доверием Творца) «достроить» себя. Человек – «это будущее человека» (Ф. Понж), «проект бытия для себя» (Ж.-П. Сартр). Он – единственное существо, способное понять свою частичность, недоисполненность и преодолеть ее. Жизнь человека (человечества) – непрерывное становление. История – попытка человека завершить эволюцию, культура – попытка «достроить» природу, богословие и религия – попытка домолвить Бога, наука, философия, литература, искусство – попытка довыразить Вселенную и досказать самого себя.

Судя по всему, стадии взрослости, на которой только и обнаруживается сущность, человек еще не достиг, пребывая в состоянии затянувшегося детства. Неотрефлексированное, импульсивное, бессознательное выплескивается за границы рационального. Бессознательное, действующее по принципу *хочу, дай* (любимые глаголы ребенка), выражает именно детское начало. Оно направлено на получение наслаждения, что соответствует гедонистической направленности современной культуры. Развивается тенденция к безоценочному (до / после / моральному) сознанию, а ребенок и является тем «святым», которому еще не ведомо добро и зло. Происходит «смазывание» гендерной идентичности, нарастание андрогенности (до / после гендерной идентичности), что присуще

именно маленькому ребенку. Развитие процесса глобализации выражает тенденцию движения к новому синкретизму, в определенной степени возвращающемуся к синкретизму «детства человечества» (соотносящемуся со слитностью ребенка с миром в начале онтогенеза).

У современного человека «существование впереди сущности» (Ж.-П. Сартр), т. е. как у ребенка: *существование уже есть, а (оформленной) сущности еще нет*. Современный человек больше растворен в настоящем и самом ближайшем будущем. Настоящее для него самоценно, будущее и прошлое (особенно далекое) «тают в тумане».

Чем больше человек себя осуществляет, тем больше открывается в нем неосуществленного (чем больше знаю, тем больше не знаю; чем больше живу, тем меньше понимаю). Потенциального – все больше, актуального – все меньше. Человек, с одной стороны, взрослеет, с другой – становится более инфантильным, представляя *взрослым дитем*. История – это нарастание «снежного кома» нереализованных возможностей. В каждый момент времени возможность превосходит действительность. Мы живем мире, в котором осталась только возможность, возможность возможности, переход от одной возможности (недодействительности) к другой. Поэтому человек навсегда апофатичен: сущность у него есть, но она бесконечна, неопределима, невыразима, потому что всегда недооформлена.

Заключение

Есть основания говорить о нарастании кризиса идентичности у современного человека. В силу развития процесса глобализации исчезает ряд маркеров, посредством которых ранее и идентифицировался человек. Человек сейчас редко идентифицирует себя с местом своего рождения, легко перемещаясь по миру (новый кочевник), считая, что «родина там, где хорошо», «мой дом – весь мир» (поэтому и жилья в собственности, нередко, нет – «выгоднее арендовать»; нет дачи, земли, бабушкиной избушки с огородом).

Современный человек часто не идентифицирует себя с определенным прошлым, чтобы снять с себя чувство ответственности и долга перед ним. Он плохо знает историю (свою роль здесь сыграл и произошедший разрыв времен), он весь – в настоящем и ближнем будущем, а они уже достаточно космополитичны. Истина (в том числе историческая) – не то, что соответствует реальности, а то, что соответствует *моим* интересам. Современный человек становится все более похожим на манкурта, забывшего имя, родину, историю, предков.

Одним из важнейших маркеров антропоидентичности является принадлежность к семье и роду. Но в настоящее время семья переживает трудные времена (около половины семей в мире распадается) [28, с. 76]. Многие пары предпочитают гражданский брак или свободные отношения. Происходит и кризис традиционной гендерной идентичности (транссексуалы, бисексуалы, третий пол, однополые браки). Важнейший маркер человеческой идентичности, которого нет у животных (по Н. Ф. Федорову), – забота детей о родителях. Но сейчас нет нужды заботиться

о родителях, для этого существуют пансионаты для доживания стариков, это модно и современно. «Косточки мертвых» уже «не хватают» за резвые ноги живых. Современный человек не очень-то хочет рожать детей. Для этой цели начинают использоваться биржи аренды тела для вынашивания чужого ребенка (в Брюсселе для ЛГБТ-пар провели ярмарку суррогатных матерей и детей).

Еще одним маркером культурной идентичности человека на протяжении многих веков была принадлежность к определенному религиозному мировосприятию. Нынешний культ свободы приводит к разрыву и с этой традицией. Вместе «с водой из корыта выплескивается и ребенок»: освобождаясь от Бога, человек освобождается и от морального закона, заключенного в Его Образе. Теряя традиционную моральную идентичность, человек сам решает, что хорошо, что плохо. Однако не имея твердой (вечной) системы координат, он приходит к моральному релятивизму, легко нарушая выработанные многовековой культурой «красные линии». Обсуждаются допустимость инцеста,

людоедства, десакрализации смерти (использование праха умерших на удобрения). Происходит обесценивание жизни человека, снова поднимает голову фашизм. Окна Овертона открыты: внедряемые новые правила предстают как отсутствие правил.

Современный человек погружается в глобальный обезличенный информационный поток. Цифра сама по себе космополитична. Цифровой человек принадлежит только цифровой Вселенной, все более однотипной, наднациональной (за редким исключением: так, Китай отключил свой Интернет от мировой паутины).

Потеря культурно-национальной идентичности – одно из выражений нарастания социального инфантилизма, доминанты свободы над ответственностью, *хочу* – над *должен*, настоящего – над прошлым и будущим, *моего* – над всем остальным. Это новое бегство к свободе – от всего и ото всех, в результате чего социальные связи-зависимости рвутся. Вопреки утверждению К. Маркса оказывается, что жить в обществе и быть свободным от общества – можно.

Литература

1. Ксенофонт. Сократические сочинения. М.: Мир книги; Литература, 2007. 367 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Шпет. М.: Азбука, 2019. 704 с.
3. Флоренский П. А. Pro et contra. СПб.: РХГА, 2001. 824 с.
4. Фихте И. Г. Факты сознания; Назначение человека; Наукоучение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 783 с.
5. Казаков Е. Ф. Homo nudes. М.: Инфра-М, 2018. 242 с. DOI: 10.12737/monography_5a6f1c79338fe9.09231099
6. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. А. Александровой. М.: АСТ, 2018. 286 с.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. В. А. Алексеев; под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева. М.: ОлмаМедиаГрупп; Просвещение, 2015. 448 с.
8. Декарт Р. Рассуждения о методе; Начала философии; Страсти души / отв. ред. М. Ананиян. М.: Эксмо, 2019. 559 с.
9. Юм Д. О человеческой природе / пер. С. И. Церетели. СПб.: Азбука, 2017. 317 с.
10. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. / пер. А. Н. Савина; под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 622 с.
11. Казаков Е. Ф. Душа как реальность. М.: Инфра-М, 2019. 207 с.
12. Джеймс У. Психология / пер. И. Лапшина, М. Гринвальд. М.: РИПОЛ классик, 2018. 613 с.
13. Муруганар Ш. Падамадай. Наставления Рамана Махарши / пер. М. Роттера. М.: Ганга, 2018. 552 с.
14. Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши / пер. О. М. Могилевер; сост. Д. Годман. М.: Ганга, 2019. 352 с.
15. Судзуки Т. Д. Дзен и японская культура / пер. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2003. 521 с.
16. Любарский Г. Ю. Морфология истории. М.: КМК; Михайлов, 2000. 449 с.
17. Харитонова М. Е. Связь смысла человеческого существования со смыслом истории: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 28 с.
18. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
19. Ильин И. А. Сочинения. В 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 2. 574 с.
20. Comstock G. A., Scharrer E. The psychology of media and politics. London: Academic Press, 2005. 316 p.
21. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб: Питер, 2012. 224 с.
22. Рорти Р. Философия и зеркало природы / под ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. 296 с.
23. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания / пер. Д. Кралечкина; под ред. А. Кондакова. М.: Ад Маргинем, 2018. 248 с.
24. Марсель Г. О. Метафизический дневник / пер. В. Ю. Быстрова. М.: Наука, 2005. 586 с.
25. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. Лосского; под ред. Ю. Лавровой. М.: Эксмо, 2016. 736 с.
26. Gritskevich T. I., Zolotukhin V. M., Kazakov E. F. Sociocultural grounds for transforming the concept of «man without essence» // Smart Innovations, Systems and Technologies. 2019. Vol. 139. P. 743–751. DOI: 10.1007/978-3-030-18553-4_92
27. Берар П. Религия в современном мире. М.: Политиздат, 1979. 144 с.
28. Бурмистрова Е. А., Бурмистров М. Ю. Современная семья. Психология отношений. М.: Дарь, 2016. 543 с.

Anthropoidentity: from Gaining to Losing

Evgeny F. Kazakov^{a, @, ID}; Darya A. Kutovaia^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ kemcitykazakov@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-0902-0513>

Received 28.02.2020. Accepted 19.03.2020.

Abstract: The article presents the entire human history in its phylogeny and ontogenesis as a desire for personification, i.e. to find one's generic and individual Self. If one gains one's Self, it means that one truly exists. But that is impossible without gaining one's freedom. The reflection over the process of self-identification is as old as the human history. However, the moment one gains one's face, one loses it. The problem of self-identification is particularly relevant nowadays. There is every reason to talk about the growing crisis of identity in modern man. Globalization deprives people of some markers that previously identified them. People seldom identify themselves with the place of birth. Man plunges into the global impersonal flow of information, thus losing both connection with a certain historical past and a sense of belonging to the family or kin. The loss of cultural and national identity is a marker of the growing social infantilism where freedom is more important than responsibility: "I want" means more than "I must", the present presides over the past and the future, and "mine" is more important than everything else.

Keywords: soul, consciousness, self-awareness, self-identification, Self, identity crisis, history

For citation: Kazakov E. F., Kutovaia D. A. Anthropoidentity: from Gaining to Losing. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(1): 53–60. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-1-53-60>

References

1. Xenophon. *Socratic writings*. Moscow: Mir knigi; Literatura, 2007, 367. (In Russ.)
2. Hegel G. W. F. *The phenomenology of the spirit*, tr. Shpet G. Moscow: Azbuka, 2019, 704. (In Russ.)
3. Florenskii P. A. *Rro et contra*. St. Petersburg: RKhGA, 2001, 824. (In Russ.)
4. Fichte J. G. *Facts of consciousness; Appointment of a person; Science*. Minsk: Kharvest; Moscow: AST, 2001, 783. (In Russ.)
5. Kazakov E. F. *Homo nudes*. Moscow: Infra-M, 2018, 242. (In Russ.) DOI: 10.12737/monography_5a6f1c79338fe9.09231099
6. Fromm E. *Escape from freedom*, tr. Aleksandrova A. Moscow: AST, 2018, 286. (In Russ.)
7. Plutarch. *Parallel lives*, tr. Alekseev V. A.; eds. Butromeev V. P., Butromeev V. V. Moscow: OlmaMediaGrupp; Prosveshchenie, 2015, 448. (In Russ.)
8. Descartes R. *Reasoning about the method; Beginnings of philosophy; Passion of the soul*, ed. Ananian M. Moscow: Eksmo, 2019, 559. (In Russ.)
9. Hume D. *About human nature*, tr. Tsereteli S. I. St. Petersburg: Azbuka, 2017, 317. (In Russ.)
10. Locke J. *Works*, tr. Savin A. N.; ed. Narskii I. S. Moscow: Mysl, 1985, vol. 1, 622. (In Russ.)
11. Kazakov E. F. *Soul as reality*. Moscow: Infra-M, 2019, 207. (In Russ.)
12. James W. *Psychology*, tr. Lapshin I., Grinvald M. Moscow: RIPOL klassik, 2018, 613. (In Russ.)
13. Muruganar Sh. *Padamalai. Instructions of Raman Maharshi*, tr. Rotter M. Moscow: Ganga, 2018, 552. (In Russ.)
14. *Be who you are! Sri Ramana Maharshi's Instructions*, tr. Mogilever O. M., comp. Godman D. Moscow: Ganga, 2019, 352. (In Russ.)
15. Suzuki T. D. *Zen and Japan*, tr. Pakhomov S. V. St. Petersburg: Nauka, 2003, 521. (In Russ.)
16. Liubarskii G. Iu. *Morphology of history*. Moscow: KMK; Mikhailov, 2000. 449. (In Russ.)
17. Haritonova M. E. *The connection of the meaning of human existence with the meaning of history*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2003, 28. (In Russ.)
18. Berdiaev N. A. *The meaning of history*. Moscow: Mysl, 1990. 173. (In Russ.)
19. Ilin I. A. *Works*. Moscow: Medium, 1994, vol. 2, 574. (In Russ.)
20. Comstock G. A., Scharer E. *The psychology of media and politics*. London: Academic Press, 2005, 316.
21. Rubinshtein S. L. *Man and the world*. St. Petersburg: Piter, 2012, 224. (In Russ.)
22. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*, ed. Tselishchev V. V. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1997, 296. (In Russ.)
23. Butler J. *Notes on performative assembly theory*, tr. Kralechkin D.; ed. Kondakov A. Moscow: Ad Marginem, 2018, 248. (In Russ.)
24. Marcel G. O. *Metaphysical diary*, tr. Bystrov V. Iu. Moscow: Nauka, 2005, 586. (In Russ.)

25. Kant I. *Criticism of pure reason*, tr. Losskii N; ed. Lavrova Iu. Moscow: Eksmo, 2016, 736. (In Russ.)
26. Gritskevich T. I., Zolotukhin V. M., Kazakov E. F. Sociocultural grounds for transforming the concept of "man without essence". *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2019, 139: 743–751. DOI: 10.1007/978-3-030-18553-4_92
27. Berar P. *Religion in the modern world*. Moscow: Politizdat, 1979, 144. (In Russ.)
28. Burmistrova E. A., Burmistrov M. Iu. *Modern family. Relationship psychology*. Moscow: Dar, 2016, 543. (In Russ.)